

Православные храмы города Глазова сталинской эпохи

Одной из наиболее плохо изученных и искаженных идеологическим подходом областей современного исторического знания является история взаимоотношений советского государства и русской православной церкви (РЦП). Эта проблема и в наши дни достаточно актуальна. В настоящий момент в городе Глазове производится попытка реконструкции Преображенского собора, разрушенного в начале 60-х гг. В связи с этим особенно злободневной является задача воссоздания истории собора и его пределов и воспроизведение на этой основе политики советского государства в отношении РЦП. Тем более что история глазовских церквей является малоизученной, построенной на слухах и обрывочных сведениях, и остается во многих отношениях практически неизвестной.

В статье предпринята попытка рассмотреть историю православных храмов города на фоне истории взаимоотношений Советской власти и РЦП во время сталинской эпохи. Этот период являлся переломным и сложным не только для церкви, но и для всей нашей страны. Проблемы и трудности этой эпохи в достаточной степени ярко и рельефно отразились на судьбе православного Глазова.

История православных храмов Глазова началась еще в 18 веке, когда в деревне Глазовской в 1750 г. на средства новокрещеных удмуртов была построена деревянная церковь. К началу 1917 г. город являлся административным и торговым центром одного из крупнейших уездов Вятской губернии, оплотом православия в северной Удмуртии. В частности, с 1889 г. здесь размещалось Глазовское викариатство Вятской епархии, которым правили архиереи в сане не ниже епископа. Ввиду всего этого в городе сложился неординарный церковно-архитектурный ансамбль.

На главной площади города – Соборной (теперь площадь Свободы) – возвышался храмовый комплекс - **Вознесенско-Преображенский собор**, к 1917 г. состоявший из трех храмов, соединенных в одно целое: 1) **Вознесенская церковь** - каменный трехъярусный храм-колокольня (возведена в стиле зрелого классицизма в 1809 г.); 2) «Новый» краснокирпичный пятикупольный

Преображенский собор, в подвальной части которого была устроена **пещерная церковь** во имя Св. Исидора Пелусиота (строился с 1879 по 1887 гг.). 3) маленькая **Никольская церковь**, или «старый собор». Она была построена в 1859 г. и располагалась между храмом-колокольней и новым собором. К Вознесенско-Преображенскому собору числились приписанными 3 церкви: домовая Глазовского тюремного замка во имя Архангела Михаила, кладбищенская Свято-Духовская, Георгиевская градская и 2 часовни.

Кладбищенская каменная церковь Сошествия Святого Духа на Апостолов. Построена на средства прихожан и глазовского купца, почетного гражданина города Иосифа Волкова в 1848 г. Своего прихода церковь не имела и стояла «в одной версте от города» на территории старого городского кладбища, почти на месте современного Ледового дворца. В народе ее именовали Покровской, видимо потому, что один из двух престолов церкви был во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Георгиевская градская церковь - деревянная, на каменном фундаменте. Построена в 1902 г. на средства Глазовского мещанского общества с одним престолом в честь Св.Великомученика Георгия. Сейчас на ее месте находится памятник В.Г. Короленко на одноименной улице.

Михайло-Архангельская домовая церковь в тюремном замке. Устроена на средства жителей Глазова в 1872 г. с одним престолом во имя Архангела Михаила. Кроме того, в здании Глазовского духовного училища (сейчас это музыкальный факультет пединститута) находилась **церковь**, которую в 1905 г. освятили в **честь Черниговской иконы Божьей Матери**.

Еще в городе было две часовни: 1) каменная часовня на перекрестке улиц Никольской и Кругло-Вознесенской (сейчас улицы Молодой гвардии и Первомайская). Построена в 1890 г. на средства мещанского общества в память об Александре II, который, будучи наследником престола, посетил город в 1837 г. Эта часовня называлась **Александро-Невской**, так как Александр II был наречен в честь святого великого князя Александра Ярославича; 2) деревянная **часовня на старом городском кладбище**, которая была там уже в 1914 г. и принадлежала Покровской церкви.

В общей сложности, к началу 1917 г. в Глазове стояло три храма Вознесенско-

Преображенского собора, четыре церкви и две часовни.

Период с 1917 по 1941 гг. оказался временем тяжелейших испытаний, выпавших на долю РЦП. Это была эпоха «воинствующего безбожия» - тайной и явной борьбы правящей коммунистической партии с серьезным конкурентом в области идеологического влияния на сознание народных масс. Вопреки декларированной с 1918 г. конституционной формуле об отделении церкви от государства основой политики советской власти было подавление любой формы инакомыслия, в том числе и религиозного. В этот период всячески ограничивались обряды верующих, запрещались крестные ходы, колокольный звон, православное обучение, велась антирелигиозная пропаганда. Служителей церкви и активных прихожан лишали избирательных прав и арестовывали. Многие из них были приговорены к расстрелу. Храмы, часовни и монастыри разграблялись и уничтожались, а большинство уцелевших были изуродованы за счёт сноса куполов и колоколен.

Репрессии не обошли стороной и глазовское духовенство. Достаточно привести лишь несколько примеров: 1) 1928 г. - арестован и доставлен под конвоем в Соловки епископ Глазовский Виктор Островидов; 2) 1937 г. - арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения архиепископ Глазовский Авраамий Дернов; 3) 1938 г. - арестованы священник Дмитрий Модестов и церковный староста Преображенского собора Андрей Пепеляев (приговорены за «антисоветскую агитацию» соответственно к 10 и 5 годам лишения свободы).

Кроме того, в Глазове велась активная деятельность по закрытию и разрушению храмов города. Ее осуществлял Глазовский Городской Совет, Президиум которого состоял из коммунистов, убежденных атеистов. Горсовет боролся с православием не за страх, а за совесть, не останавливаясь даже перед нарушением советских законов. В годы коллективизации антирелигиозной деятельностью Горсовета руководил Глазовский Уездный Комитет ВКП(б).

Точными документальными данными о том, когда были уничтожены домовые церкви (тюремного замка и духовного училища), снесена Александро-Невская часовня, мы пока не располагаем. Можно только сказать, что **домовая церковь училища** была ликвидирована не позднее 1924 г., когда зданием постановлением Областного Исполкома передали Педтехникуму. Что касается, **Александро-Невской часовни**, то можно с

уверенностью утверждать, что 22 мая 1927 г., она еще стояла, поскольку в этот день на ее фоне были сфотографированы участники Первого Глазовского уездного съезда воинствующих безбожников.

Деревянная **Георгиевская церковь** была закрыта на основании постановления Глазовского горисполкома от 30 марта 1929 г. *«с целью использования...под культпросветучреждения»*. В том же 1929 г. здание Георгиевской церкви перестроено под библиотеку. В октябре 1938 г. в Георгиевской церкви находился *«красный уголок Осоавиахима»* и производилась *«учеба курсантов шоферов в количестве 36 человек ежемесячно»*.

Никольскую церковь отняли у верующих 11 марта 1930 г. *«на основании постановления избирателей города ... Пленума Горсовета, Президиума Райисполкома, как пустующее здание»*.

В **Вознесенском храме-колокольне** Горсовет устроил пожарный пост, под предлогом, что *«пожарная башня пришла в ветхость ... если Горсовету не использовать пустующую колокольню под пожарный пост то городу угрожает стихия»*. Позднее изуродованную храм-колокольню со снесенным шпилем-крестом переделали под парашютную вышку, что видно на фотографии 1935 г.

Кладбищенская Покровская церковь постановлением Президиума ЦИК УАССР от 20 января 1936 г. была передана под клуб.

Эти каменные храмы после изъятия просуществовали недолго. Согласно «Заявлению Приходского Совета Глазовской религиозной общины при Преображенском соборе» в Глазовский райисполком от 8 декабря 1936 г. *«для добычи стройматериалов»* были разрушены Вознесенская церковь и *«массивная колокольница ... старый каменный собор»*, а также *«ограда вокруг Преображенского храма»*, *«разломали кладбищенский храм, вырыли основание его»*.

С 1933 по 1938 гг. шла упорная борьба Горсовета с верующими за судьбу «нового» Преображенского собора. В том, что собор сумел продержаться почти пять лет, немалая заслуга его священников и прихожан. Согласно справке Приходского Совета на 27 октября 1936 г. в религиозной общине «по записи» по Глазову состояло 529 человек, из «проживающих в селениях прилегающих к городу» - 316, а всего людей, не побоявшихся заявить о себе, как о прихожанах собора, оказалось 845 человек.

Согласно статистической справке 1936 г., по состоянию на 1-е сентября того же года население города равнялось 15991 человеку. Т.е. можно прийти к выводу, что в 1936 г. лишь одна тридцатая часть населения Глазова открыто объявила о своей принадлежности к православному вероисповеданию. На первый взгляд, это небольшая цифра. Несомненно, за время, прошедшее с 1917 г., число людей, посещающих православные богослужения, значительно сократилось по вполне понятным причинам. Но тех немногих, кто все-таки остался предан православной вере, заставить изменить себе было уже практически невозможно.

Идеологической демагогии и административному, а порой и силовому давлению городских властей прихожане могли противопоставить только точное соблюдение советских законов, моральную стойкость и скудные средства, жертвуемые ими на благосостояние собора. Выделим несколько ключевых моментов этого противостояния.

В самом начале Горсовет потребовал у церковной общины закрыть собор под предлогом его аварийного состояния, грозящего обрушением всего здания. О надуманности претензий Горсовета говорит тот факт, что зданию собора к тому времени не исполнилось и полвека, и оно оставалось достаточно прочным вплоть до начала 1960-х гг. Приходской Совет, срочно мобилизовав средства церковной общины и прихожан, при скрытом противодействии Горсовета сумел провести значительную часть необходимого ремонта.

Но это власти не остановило. Так называемые «Наказы избирателей депутатам Глазовского городского Совета» с 1934 г. ежегодно содержали следующий пункт: *«Учитывая громадный недостаток зданий для культпросветучреждений в гор., мы...требуем немедленно изъять новый собор приспособив его под дом соц. культуры»*. На отчетных собраниях «О работе горсовета», проводимых в конце октября 1934 г., во многих учреждениях и организациях города принимались наказания, где среди различных пожеланий и требований были и такие: от партийной школы: *«собор и сейчас не закрыт. Нужно его закрыть и использовать под культурное учреждение»*; от студентов планово-экономического техникума: *«отобрать церковь и устроить молодежный комсомольский клуб»*; от работников просвещения: *«изъять новый собор»*; от Райкома ВЛКСМ: *«в 1935 г. добиться закрытие церкви под клубы молодежи»*.

Таким образом, стремление Горсовета покончить с православным собором было представлено, как вынужденное следование желанию трудящихся города и заботой о повышении культурного уровня горожан.

Борьба Горсовета с прихожанами собора дошла до того, что в 1936 г. *«в период разломки Вознесенской церкви и колокольницы»* у входа в храм была поставлена вооруженная охрана, не пропускающая в собор никого. *«Верующие начали было ходить с противоположной стороны через прилегающий сад, но вскоре двери в сад заколотили и заперли на замок»*. Подобные действия Горсовета настолько далеко выходили за рамки закона, что вмешался местный прокурор, давший *«распоряжение о свободном проходе верующих в храм»*. В 1937 г. прихожане были вынуждены отправить в Москву делегацию по вопросу закрытия Преображенского собора, которую возглавил Архиепископ Глазовский Авраамий Дернов. Но это не помогло. По воспоминаниям верующих, в 1937 г. *«Преображенский собор был закрыт. Официально службы прекратились, но они продолжались в Пещерной церкви, то есть в подвале храма»*. Верующих преследовали, и, придя на службу, они прятались. *«Служители закрывали дверь на замок. Службы шли тихо, негромко»*.

19 февраля 1938 г. последовало постановление Президиума Верховного Совета УАССР о закрытии Преображенского собора, утвержденное Президиумом Верховного Совета РСФСР. Тем же постановлением здание собора было передано Глазовскому горсовету *«для переоборудования под театр»*. 25 ноября 1938 г. Председателем Глазовского Горсовета А. Цепелевым были наняты рабочие для проведения работ *«по снятию всех крестов и куполов, башен и парапетов с бывшего ... Преображенского собора»*.

Однако, успешно справившись с изъятием собора у верующих и изуродовав здание храма, Горсовет так и не сумел переделать его ни под театр, ни под Дом Культуры, ни под клуб. Спустя два года, 8 апреля 1940 г. Исполком Глазовского Райсовета, отвечая на запрос Президиума Верховного Совета УАССР, как используются здания закрытых церквей, сообщал, что в соборе должны были устроить городской театр, *«но за неимением денег, собор в данное время кроме подвальных помещений никем не используется. Подвальные помещения заняты под склады картофеля»*.

Последним православным культовым зданием Глазова в конце 30-х годов оставалась

маленькая деревянная часовня-усыпальница, еще с начала XX века стоявшая на старом городском кладбище, на дальней окраине, и относившаяся по территориальному подчинению даже не к городу, а к району. Часовня являлась, по сути, обыкновенной бревенчатой одноэтажной избой, увенчанной маленьким куполом-луковкой с крестом. 9 апреля 1938 г. Президиум Горсовета постановил предоставить верующим вместо изъятого Преображенского собора часовню-усыпальницу *«для отправления религиозных нужд»*. Но часовня прослужила прихожанам города не больше двух лет. Согласно справке исполкома Горсовета, она не работала уже с 16 октября 1940 г. *«в виду отказа священников»*. Можно с уверенностью сказать, что священнослужителей явно вынудили пойти на такой шаг.

После того, как опустела часовня, у Горсовета были развязаны руки. В Глазове с 1 по 5 ноября 1940 г. было проведено 24 собрания избирателей различных округов города, *«где участвовало 1149 человек местного населения»*. Среди различных вопросов одним из главных стоял такой: *«о закрытии часовни»*. Решение собраний можно было предсказать заранее: *«Избиратели поддержали вопрос о закрытии»*. Протоколы собраний были представлены в Президиум Верховного совета УАССР для обоснования просьбы о сносе кладбищенской часовни. 19 июня 1941 года на заседании Президиума Верховного Совета был принят указ, в котором говорилось: *«Решение исполнительного комитета Глазовского городского Совета...от 11 ноября 1940 года о закрытии часовни...утвердить. Разрешить...здание часовни, ввиду его ветхости снести»*. Символично, что «Указ» был выслан в Глазов 21 июня 1941 г. А значит, прихожане города узнали об окончательном приговоре своему последнему храму практически одновременно с известием о начале войны.

В это время по инерции продолжали закрывать действующие церкви в Удмуртии. В частности, за период с 10 июня по 18 сентября 1941 г. официально было закрыто 15 православных храмов. В 1942 г. в УАССР числилось всего лишь 9 действующих православных церквей. К 1943 г., в Удмуртии осталось только *«8 православных храмов, их обслуживали 14 служителей культа»*. Согласно же данным Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР, до 1917 г. *«на территории Удмуртской АССР насчитывалось 250 православных церквей»*. Из этих документов следует, что с 1917 по 1943 гг. было разрушено или закрыто 96,8 % храмов

Удмуртии, а действующими остались всего лишь 3,2 %. К 1943 г. православная церковь в УАССР, как и по всей стране, фактически перестала существовать.

Но, одновременно с процессом сокращения числа православных храмов и духовенства, в начале войны в СССР резко пошла на спад активность и крайние формы антирелигиозной пропаганды. В частности, примечателен тот факт, что в 1942 г. секретарь Удмуртского Обкома ВКП(б) по пропаганде И.Кутявин в письме, направленном заведующим отделами пропаганды и агитации райкомов ВКП(б), выразив озабоченность тем, *«что в ряде районов райсоветы СВБ (Союз Воинствующих Безбожников) совершенно бездействуют»* и предписав немедленно восстановить их работу, одновременно предъявил список их первоочередных задач: мобилизация трудящихся на всемерное оказание помощи фронту, антифашистская агитация, помощь партийным и советским организациям в сборе теплых вещей и подарков для бойцов Красной Армии. О борьбе с религией в том письме не было ни слова. Таким образом, в годы войны лозунг борьбы с «религиозным дурманом» несколько утратил свою актуальность.

Изменению государственной политики в отношении РЦП способствовала патриотическая позиция руководства Московской патриархии. Уже 22 июня 1941 г. митрополит Московский Сергей выступил с посланием к верующим, призвав к изгнанию врагов. За годы войны на нужды обороны в храмах было собрано добровольных пожертвований на сумму более 300 млн. рублей. Руководство страны высоко оценило патриотизм церкви. Прекратилась богоборческая агитация, перестали выходить журналы «Антирелигиозник», «Безбожник» и др. Атеистическая пропаганда стала менее агрессивной и прямолинейной. *«Акцент стал делаться на пропаганду естественно-научных знаний как основное противоядие «религиозному опиуму».*

Вскоре произошел окончательный поворот к временному примирению государства и РЦП. В сентябре 1943 г. состоялась встреча И. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем) в Кремле. Началось возрождение церковной жизни в стране под строгим государственным контролем. Был образован Совет по делам РЦП при СНК СССР. В том же месяце, впервые с 1917 г., прошли выборы Патриарха Московского и всея Руси, где избрали митрополита Сергия. По стране стали открываться для службы храмы и монастыри. Возвращалось из лагерей

репрессированное духовенство.

Все эти мероприятия правительства определялись военно-политической ситуацией, патриотической деятельностью церкви и религиозных организаций, а также внешними причинами – проводимой Германией политики по массовому открытию храмов на оккупированной территории и желанием Сталина продемонстрировать союзникам – США и Англии – предоставление свободы вероисповедания гражданам Советского Союза. Кроме того, Сталин понимал, насколько сильно в условиях тяжелейших испытаний военной поры возросла потребность советских людей в религии, как источнике утешения и моральной опоры для человека. Но не надо думать, что в те годы было достигнуто абсолютное согласие между церковью и государством. Такого не позволяла тоталитарная природа сталинского режима. Полное подчинение церкви государству осталось прежним, разве только приняло более мягкие формы.

В 1943 г. в Удмуртии *«сразу же после восстановления епархии к церковным структурам был приставлен государственный «надсмотрщик» — уполномоченный Совета по делам РЦП при Совнарком УАССР — М. Родин.* Все эти обстоятельства новых взаимоотношений власти и православной церкви в полной мере отразились на судьбе закрытого Преображенского собора в Глазове.

В годы войны собор был *«передан в пользование войсковым частям и Горторгу».* В подвале собора было устроено овощехранилище. Его юридический хозяином продолжал считаться горисполком.

В каком состоянии в сентябре 1945 г. находился Преображенский собор, можно узнать по докладу Уполномоченного: *«Из наличия живописи и скульптуры частично сохранилась настенная масляная живопись внутри храма...в 1938 году были разобраны...купольные башни собора...окраска и штукатурка внутри помещения частично»* отваливалась. *«Стропила - сохранились...оконные переплеты ...без стекол. Пол разрушен частично. Для предотвращения дальнейшей порчи здания необходимо перекрыть отверстия от центрального купола».* Картину состояния собора дополняют воспоминания Валентины Николаевны Прокашевой, уроженки Глазова, 1931 г. рождения, одной из старейших прихожанок: *«собор с довоенных времен и до начала 1950-х гг так и простоял полуразрушенным посреди главной площади, в самом центре города, производя своим внешним видом жуткое впечатление».* Следует

напомнить, что накануне 1937 г. собор был основательно отремонтирован самими прихожанами. А через 7 лет, после того, как там похозяничал Горсовет, зданию снова требовался серьезнейший капитальный ремонт.

Ближе к концу войны собор был признан памятником архитектуры УАССР. В начале 1945г. в город даже пришло отношение Управления по делам архитектуры при СНК УАССР «Об охране Преображенского собора как архитектурного памятника».

Возрождение церковной жизни в Глазове в военные годы началось со стихийно возобновившихся богослужений в закрытом Преображенском соборе. По воспоминаниям Прокашевой, «ближе к концу войны в Преображенском храме проходили «богослужения, но тайно и изредка, по большим праздникам. Эти службы проходили в Пещерной церкви, т.е. в подвале храма, на что никакого разрешения власти не давали. Верующие пробирались в Пещерную церковь со стороны реки, через городской сад. Вход был весьма неудобен и узок, через него мог пройти только один человек...

Помещение Пещерной церкви было невелико. Там с трудом, в тесноте и духоте могли поместиться не более 150 человек. Посреди подвала, в котором находилась Пещерная церковь, лежали груды картошки, так как здесь был расположен склад горторга и еще каких-то организаций. Богослужения проходили около одной стены, возле которой стоял маленький алтарь. Справа от алтаря было место для клироса, где вместе с другими девушками пела и сама Валентина Николаевна. Иконы прятались в подвале и вынимались из тайника на время службы. Когда собирался народ, то подвальные оконца тщательно занавешивались, чтобы не прознал никто из посторонних».

Тайный характер посещений горожанами Преображенского собора ясно свидетельствует о том, Горсовет и после 1943 г. продолжал вести негласную борьбу с православной общиной Глазова. Но при этом изменение государственной политики по отношению к РЦП дало православным право, обеспеченное законом, ходатайствовать об открытии церкви, которым они незамедлительно воспользовались.

Заявления об открытии церковей шли в столицу УАССР из многих районов республики. За 1944-1945 гг. их было 48. Инициаторами ходатайств являлись бывшие члены церковных советов, скрывавшие сан священники, большие группы верующих. «Для того чтобы

добиться открытия храма, в ход шли любые способы: от фальсификации подписей до дачи взяток...далеко не все ходатайства удовлетворялись».

Первые хлопоты глазовчан также не увенчались успехом. Согласно докладу Уполномоченного, в 1944 г. к нему поступили жалобы от верующих: в *«Глазове и Глазовском районе ни одного церковного здания...для отправления богослужения не сохранилось, все они...были закрыты органами Соввласти, переоборудованы и заняты под культурно-хозяйственные цели».* Инициаторами ходатайств являлись бывшие члены церковного совета Преображенского Собора. Первые ходатайства глазовчан не рассматривались вышестоящими органами под предлогом, что *«никакого уполномочия от верующих они не имеют, а все заявления писались адвокатом Перуанским П.А. и подписываются тремя лицами».* Но эта неудача не остановила верующих. В 1944-1946 гг. всего было подано 5 заявлений с просьбой об открытии церкви. Наибольшее число подписей под этими заявлениями составляло - 51. Кроме того, ходоки из Глазова три раза приходили на прием к самому Уполномоченному.

Согласно докладу Родина, Горсовет неоднократно пытался вмешаться в хлопоты верующих. В 1945 г. с православными, была затеяна переписка, в которой Горсовет дезинформировал последних о том, что якобы на поданное ими *«заявление в СНК УАССР от 24/II-45 г. об открытии бывшей Георгиевской церкви...ответа нет»*, что *«вторичное заявление верующих не рассмотрено Совнаркомом»*, за что местные власти получили выговор от Уполномоченного - *«вести переписку с верующими не следует».*

Итак, верующие в своих первых заявлениях просили вернуть не Преображенский собор, а здание бывшей Георгиевской церкви. Главной причиной отказа по ходатайству была именно позиция Горсовета, не думающего освободить церковь. Согласно закону, для удовлетворения просьбы необходимо было иметь свободное и *«в техническом отношении вполне пригодное здание».* Поскольку помещение Георгиевской церкви было *«занято пехотным училищем, его мастерскими»*, то Совнарком просьбу верующих удовлетворить не мог. Горсовет при этом сваливал всю вину на вышестоящие органы, что и вызвало вполне законный гнев Уполномоченного.

В ноябре 1945 г. Родин вместе с начальником Управления архитектуры при

Совнарком УАССР выезжал в Глазов. Цель поездки: осмотреть здание Преображенского собора. После поездки Уполномоченный пришел к выводу: *«здание может быть после ремонта восстановлено, отсюда целесообразно здание передать группе верующих...Глазова».*

В 1946 г. Родин писал: *«Повторные заявления из...Глазова и Камбарки по существу следовало бы удовлетворить, т.к. в...этих городах имеются значительные группы верующих, но ни в Глазове, ни в Камбарке нет свободных ... церковных зданий, хотя в Глазове и имеется собор, но на восстановление его требуются большие средства, которых верующие не имеют».* Из документа следует, что глазовчане не просили первое время о возвращении Преображенского собора, так как ясно отдавали себе отчет в том, что восстанавливать полуразрушенный собор будет сложнее, чем небольшую деревянную церковь. Только благодаря неуступчивости Горсовета встал вопрос о Преображенском соборе. Важнейшую роль сыграло и то обстоятельство, что собор, за исключением подвала, занятого под овощехранилище, вообще никак не использовался и стоял еще с 1938 г. в полнейшем запустении. Вследствии этого Горсовет потерял по закону всякие формальные основания не возвращать храм его бывшим прихожанам.

17 марта 1947г. Преображенский собор по решению Совета Министров СССР был открыт и начал действовать с 9 апреля 1947 г. В успехе верующих, несомненно, была большая заслуга заштатного (отставного) священника протоиерея Владимира Андреевича Пономарева. По свидетельству Уполномоченного, Пономарев был среди тех заштатных священников, которые, являясь инициаторами ходатайств об открытии церквей, *«пишут заявления, указывают...пути и средства как добиться открытия ... церкви, а иногда и сами приходят на прием...под видом верующих, скрывая свой сан»*

Пономарев родился 7 июля 1879 г. Принял сан священника в 1914 г. в деревне Березино-Николаево Фаленского района (Кировской области). В Преображенском соборе служил с 1920 г., вплоть до его закрытия в феврале 1938 г. Судим не был. Вместе с псаломщиком В.А. Сениловым до 16 октября 1940 г. проводил богослужения в кладбищенской часовне, и *«решил оставить должность служителя культа»* явно не по своей воле. В возрасте 68 лет отец Владимир стал первым послевоенным настоятелем

Преображенского собора. По словам Прокашевой, кроме отца Владимира *«проводили службы Павел Ворончихин (но он рано умер) и дьякон Петр Масленников. Остальные священники приезжали в Глазов и служили в храме только наездом и ненадолго».*

Согласно воспоминаниям верующих, в первую очередь на крыше собора был возведен маленький купол с крестом, т.к. по церковным правилам здание, не увенчанное крестом, не может считаться храмом Божиим и в нем нельзя проводить богослужения. О том, насколько Преображенский собор был посещаем прихожанами, свидетельствуют цифры. Собор Глазова по размеру полученного дохода за 1947г. - 197.000 рублей – стоял на четвертом месте после церквей городов Ижевска - 1.163.800 руб. , Воткинска - 600.000, Сарапула - 610.000 и села Можги - 250.000 рублей. При этом надо иметь в виду, что Преображенский собор начал действовать только весной этого года.

Если судить по числу посещений прихожанами, то даже летом 1947 г., когда большинство было занято на уборке урожая, в праздники (Илья Пророк, Преображение, Успение, Воздвижение) на службы приходило *«от 50 до 100 ... а в воскресные дни от 10 до 50 человек».* Число совершенных религиозных, обрядов в соборе также было достаточно большим. Только за IV квартал 1947 г. совершено 195 крещений, 3 венчания и 10 отпеваний. А за IV квартал 1948 г. - 132 крещения и 27 отпеваний. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что с момента своего открытия Преображенский собор был достаточно популярен среди горожан, и что число активных прихожан в городе, несмотря на все гонения со стороны местных властей в 30-40-е гг., как минимум, составляло несколько сотен человек.

Впрочем, надо подчеркнуть, что хотя формально Преображенский собор передали прихожанам, его помещение по-прежнему было закрыто для верующих. Они, как и во время войны, по-прежнему проводили службы только в помещении Пещерной церкви, т.е. в тесном темном подвале. Единственное различие было только в том, что богослужения теперь велись легально и регулярно.

По воспоминаниям Прокашевой, *«когда 4 сентября 1947 г. умер сват и друг ее отца, только по очень большому благу удалось добиться проведения отпевания покойного в самом здании храма, да и то втихаря. Валентина Николаевна сама просила*

об этом отца Владимира. Отпевать покойного было негде, а Пещерная церковь являлась слишком тесной и неудобной для такого обряда. Отпевание проходило поздно вечером, когда стемнело, чтобы не узнали власти».

Но несмотря на то, что официально здание Преображенского собора было закрыто, верующие скрытно проникали в само здание, чтобы хотя бы минимально привести его в порядок. Валентина Николаевна (ей было тогда 16-17 лет) и другие девушки-прихожанки сумели несколько раз втайне от властей пройти внутрь самого здания. По ее словам, *«на крыше собора, на месте центрального купольного барабана над потолочным сводом было круглое углубление и там после дождей всегда стояла большая глубокая лужа. В этом месте было очень грязно. Девушки эту воду вычерпывали ведрами и сливали с края крыши вниз, на улицу...На стенах собора висели иконы, принесенные прихожанами из дома, ведь все надеялись, что сам храм скоро откроют».*

Вероятно, власти не разрешали использовать здание собора по назначению под предлогом необходимости проведения капитального ремонта. Настоятелю и Церковному Совету пришлось решать эту проблему. После открытия собора Церковный Совет поставил вопрос перед Уполномоченным *«об оказании ...материальной помощи строительным материалом для восстановления храма».* Заявка была принята и передана в Госплан. В IV-м квартале 1947 г. Церковный Совет просил *«об отпуске на ремонт ...оконного стекла».* Просьба не была удовлетворена за его отсутствием. А в начале 1949 г. Церковный Совет обратился, но уже *«с ходатайством об отпуске извести...Заявка передана в Госплан на разрешение».*

Может возникнуть вопрос, почему Церковный Совет собора то и дело прибегал для решения проблемы ремонта к посредничеству государственного чиновника, что противоречило законодательному положению отделения церкви от государства. В конце 1947 г. Уполномоченный, очевидно, задал этот вопрос посетившему его с очередной заявкой священнику Кулясову, временно заменившему отца Владимира на посту настоятеля, на что получил исчерпывающий ответ: *«Постановка вопросов выдвигаемых церковным Советом...о снабжении их материалами мотивируется тем, что они не имеют возможности приобретать материалы на рынке и у частных лиц. В частности ими было куплено кровельное железо у кладовщика*

одного из заводов на сумму 25 тысяч рублей, купленное железо было конфисковано органами милиции, как воровское и кладовщик привлечен к уголовной ответственности, на этой операции церковный совет понес убыток в 25 тысяч рублей». В самом деле, в предельно централизованном и бюрократизированном государстве, каким был Советский Союз в конце 1940-х гг., достать честным путем оконное стекло или кровельное железо, минуя госучреждения, было практически невозможно. Попытка приобрести стройматериалы в обход администрации тут же закончилась неудачей, обернувшейся финансовыми потерями.

Кроме всего прочего, Церковный Совет и прихожане столкнулись с большой проблемой постоянного недостатка средств на оплату ремонта. Пытаясь добыть эти средства в середине 1947 г. Церковный Совет *«Установил таксу на требы, например: отпетие на дому - 100 рублей, в церкви - 50 рублей, заказные обеды летом - 100 рублей, заказные обеды зимой - 150 рублей(расход на дрова), венчание без концерта - 100 рублей, с концертом - 300 рублей, крестины на дому - 40 рублей, в церкви - 30 рублей и т.д. ...Установление таких твердых цен..., конечно, не могло не вызвать недовольства...верующих». В ответ со стороны прихожан было «несколько отказов в отправлении треб...Епархиальное управление вмешалось в это дело и отменило установленную таксу».*

Помимо других трудностей прихожане в очередной раз столкнулись с явным противодействием Горсовета, который, естественно, не пришел в восторг от соседства с возродившимся храмом. Здание Горсовета стояло всего в нескольких десятках метров от собора, что, без сомнения, сыграло роковую роль в его судьбе.

Из отчета Уполномоченного за 1947 г. следует, что уже через несколько месяцев после открытия храма *«Настоятель Преображенской церкви... обратился с жалобой на Глазовский горсовет, который хотел использовать подвал церковного здания под овощехранилище». Зам. Председателем Совмина Чирковым было «отдано распоряжение...запрещающее использовать подвал под овощехранилище».*

Этим, разумеется, борьба властей с прихожанами не ограничилась. По воспоминаниям Прокашевой, *«Горсовет постоянно притеснял верующих. В частности, Горсоветом отбирались в свою пользу пожертвования прихожан на нужды церкви ... Особенно точила зуб на собор член Горсовета, а позднее и его председатель,*

Мышкина Александра Васильевна. Еще в 1940-е годы она утверждала, что собор стоит не на том месте, что он мешает строительству моста, и потому его надо снести».

В марте 1948 г., к Уполномоченному поступила «*жалоба епархиального совета на действия председателя Глазовского горисполкома. Суть жалобы: председатель ...тов. Карсканов вызвал к себе в кабинет церковный совет и настоятеля Преображенской церкви...и предложил им*» переменить здание Преображенской церкви на здание Георгиевской. Церковный совет свой отказ мотивировал тем, «*что они вложили большие средства на восстановление Преображенской церкви и...на 40%... восстановили здание, а так же и тем, что...в свое время просили предоставление Георгиевской церкви, но им в этом было отказано*». Причиной отказа было и то обстоятельство, что, Георгиевская церковь, закрытая в 1929 г. и пережившая два капитальных ремонта, была переоборудована под двухэтажное здание и в «*течение ряда лет использовалась в качестве помещения детской библиотеки, детского клуба, а затем артели «Швейпром» и сапожной мастерской*», утратила «*свой характер церкви и не имеет...вида церковного здания*». Уполномоченный был недоволен поведением Горсовета и послал в Глазов секретное письмо, где напомнил городским властям, что «*такое предложение, если оно действительно имело место, является незаконным. Преображенская церковь открыта решением Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров Союза ССР и одобрено распоряжением Совета министров СССР. Здание...передано горисполкомом общине верующих в бесплатное, бессрочное пользование, отобрание здания у верующих было бы равносильно закрытию церкви, и это будет грубейшим нарушением...постановлений Правительства Союза ССР*» и велел «*прекратить всякие переговоры с верующими по данному вопросу*».

Спустя недолгое время к Уполномоченному прибыл ходок от властей Глазова - «*вновь назначенный секретарем райкома ВКП(б) тов. Николаев*». Согласно отчету Уполномоченного, из беседы с Николаевым «*стало ясно, что он считает открытие церкви, которая находится на центральной площади, неуместной, что церковное пенье и служба слышны на площади*». Уполномоченный в ответ подробно изложил историю собора и указал Николаеву, «*что его доводы неосновательны. И*

для того ,чтобы «изолировать» церковь, следует предложить церковному совету сделать церковную ограду, а горисполкому отвести для этого...земельный участок.

Этот эпизод особенно интересен тем, что в вышеописанной беседе со всей отчетливостью выявляется подлинное, не прикрытое ничем, отношение Горсовета к верующим своего города и к недавно открытому Преображенскому собору. Без сомнения, городские власти, как говорится, «кусали локти», сожалея о том, что не отдали сразу Георгиевскую церковь православным горожанам и получили в наказание действующее «здание культа» у себя под боком. В марте 1948 г. Горсовет попытался как бы «переиграть обратно» и убрать верующих с центральной площади, предоставив им Георгиевскую церковь, находящуюся почти на окраине города. Но тогда у городских властей ничего не получилось.

В дальнейшем Горсовет не оставил попыток решить проблему с собором. Через два года на заседании исполкома Горсовета в августе 1950 г. было заслушано ходатайство представителей верующих *«о переходе из Преображенского собора в бывшую Георгиевскую церковь»*. Такое заявление можно попытаться объяснить двумя причинами: давлением Горсовета на прихожан и отсутствием у них средств на ремонт храма. Кроме того, богослужения по-прежнему проходили в тесном подвале собора. По-видимому, переход в деревянную небольшую, но более дешевую в эксплуатации Георгиевскую церковь показался причту и Церковному Совету меньшим злом по сравнению с Пещерной церковью и нескончаемым ремонтом здания собора.

Исполком Горсовета с готовностью пошел навстречу пожеланиям верующих, разрешив им *«переселиться...в бывшую Георгиевскую церковь»*, и капитально ее отремонтировать. Он даже позволил *«церковному совету проводить службу до окончания ремонта Георгиевской церкви в Преображенском соборе»*. А что ремонт церкви был необходим, сомневаться не приходится. Ведь зданию неоднократно перестраиваемому и изуродованному необходимо было хотя бы придать облик храма, не говоря уже о капитальном ремонте. Но для начала его надо было освободить. 31 августа 1950 г. исполком Горсовета принял решение: *«Переселить добровольные общества ДОСАВ, ДОСФЛОТ и ДОСАРМ из бывшей Георгиевской церкви в здание военкомата по улице Короленко, дом № 4»*.

21 ноября 1950 г. Преображенский собор посетила комиссия Горсовета для «технического осмотра». После этого, 23 ноября 1950 г. Исполком Горсовета разрешил *«временно, до перехода в Георгиевскую церковь, но не позднее 20-го декабря 1950 г. разрешить службу в Преображенском соборе в правом пределе при условии выполнении всех правил безопасности»*. Но, очевидно, прихожане припозднились с переселением в Георгиевскую церковь, поскольку только 1-го марта 1951 г. исполком Глазовского Горсовета утвердил состав комиссии, которая должна была принять здание храма в городскую собственность. Таким образом, можно считать установленным, что прихожане навсегда покинули свой собор в феврале-начале марта 1951 г.

После передачи храма, согласно справке, составленной Горсоветом, его здание вплоть до января 1952 г. никак не использовалось. Горсовет объяснил, что бывший собор *«не функционирует - ввиду того, что стал рушиться потолок церковь закрыта с 1951 года»* и пообещал, что здание будет использовано *«под городской дворец пионеров»*. Но вскоре планы городских властей изменились и решением исполкома Горсовета от 10 марта 1952 г. *«здание бывшей церкви»* было предоставлено под местный краеведческий музей.

Уйдя из собора, верующие энергично принялись обустривать Георгиевской церковь. По словам Уполномоченного в 1952 г., они проявляли большую активность, выражавшуюся, прежде всего, в том, что в короткий срок был проведен *«капитальный ремонт деревянного церковного здания...сделана изгородь вокруг церковной ограды»*.

Горожане ничего не жалели для своего храма. По свидетельству Уполномоченного, *«понадобилось серебро и медь для ремонта имевшегося колокола в церкви и стоило только обратиться священнику... с призывом к верующим, как было принесено...много серебра в виде монет дореволюционной чеканки, разных серебряных вещей и 4 старых медных самовара. Нашелся мастер, который произвел ремонт (сварку) колокола»*. В церкви проходила ежедневная служба. *Посещаемость церкви в будни составляла «от 50-100 человек, в воскресные дни и праздники до 300-500 человек, а по большим религиозным праздникам ... еще выше»*.

В начале весны 1953 г., по сообщению Уполномоченного, «в связи с болезнью и смертью И.В. Сталина, по указанию патриарха, во всех церквях республики проходили молебны о здравии, а затем панихиды. 6 марта архиепископ Ювеналий прислал...письменное соболезнование от своего имени и от имени духовенства Удмуртской епархии». Вот так, молебнами о здравии и панихидой о умершем вожде завершилась для православного Глазова сталинская эпоха.

Отремонтированная Георгиевская церковь служила своим прихожанам 11 лет. Но 21 февраля 1962 г., в самый разгар хрущевских гонений на РЦП, было принято Постановление Совета Министров Удмуртской АССР «О сносе ...Георгиевской православной церкви...», в котором утверждалось «решение исполкома Глазовского городского Совета...о сносе здания Георгиевской...церкви» под предлогом того, что «строительству жилых домов и культурно-бытовых учреждений...Глазова, отведенных исполкомом...согласно генеральному плану Чепецкому механическому заводу, препятствует здание...церкви, расположенное в центре строительного участка».

В заключение можно сказать, что трагическая судьба глазовских церквей является наглядной иллюстрацией того, как развивались взаимоотношения советского государства и православия в нашей стране в сталинскую эпоху - от войны на их уничтожение, еле прикрытой статьями законов и наказами избирателей (конец 1920-х - начало 1940-х гг.) до политики временного компромисса и терпимости по отношению к церкви (1943-1953 гг.). Этот компромисс имел внутреннюю противоречивость и двойственность, которая выражалась, с одной стороны, в восстановлении в военное время церковной организации под строгим контролем государства, а с другой – в продолжении завуалированного преследования РЦП.

Надо заметить, что гонения на глазовские храмы, были организованы преимущественно местной властью, а не центральными органами. Руководство страны только в общих чертах направляло и разжигало разрушительную деятельность борцов с церковью антирелигиозной пропагандой, формально оставаясь в стороне.

Зачастую местные власти в борьбе с религией далеко переходили рамки законов. Но в таких случаях центральное руководство всего лишь одергивало

перестаравшихся. Если судить по Глазову, то никто из тех, кто в отношении верующих многократно нарушал закон, не понес, кроме выговоров и замечаний, ровным счетом никакого наказания. Такое положение дел только поощряло антицерковную политику местных властей даже после того, как в 1943 г. отношение к церкви изменилось. Можно воздать дань уважения прихожанам и тем священнослужителям Преображенского собора, которые даже в таких тяжелейших условиях не поступились своим человеческим достоинством и преданностью вере предков. Их пример доказывает, насколько может быть стоек человек, когда ему есть за что бороться или страдать, когда в душе есть прочный стержень, который не суждено согнуть никому.